

и стилистики, а из определенной философской концепции карамзинского (и, по сути, всякого другого) сентиментализма.

Оценивая «Письма русского путешественника», Белинский отмечал как раз фактическую, информационную, политическую сторону книги, а не сентиментальное самолюбование Карамзина в «зеркале души» своей. Белинский подчеркивал, что Карамзин распространял в русском обществе «познания, образованность, вкус и охоту к чтению»,⁵⁶ отмечал его «умение следить за современными политическими событиями и передавать их увлекательно».⁵⁷

Таким образом, оценка Карамзина Белинским (а также Чернышевским и Добролюбовым) проистекала из признания значения не его сентиментализма, а как раз того, что для Карамзина было наименее важным, чего Карамзин и не ставил своей задачей, — общественной пользы.

В центре внимания Радищева в «Путешествии» все время стоит не автор с его переживаниями, не абстрактный человек с его горестями и радостями, с его «унынием» и «меланхолией», как у Карамзина, а русский народ, крепостное русское крестьянство, обездоленное, угнетаемое, всячески эксплуатируемое и помещиками, и купцами, и чиновниками, но полное больших человеческих чувств, полное потенциальной, часто прорывающейся революционностью. Активное народолюбие Радищева, признание им, что право без силы не имеет никакого реального значения в исторической жизни народа, признание им законности и справедливости крестьянской революции никак нельзя смешивать с сентиментализмом, даже если называть последний «революционным». Ведь, по существу, это означает, что «революционный сентименталист» щеголяет своими симпатиями, своим «сопереживанием» революции, но никак не ставит своей целью отодвинуть «зеркало души» и помочь этой самой революции, помочь угнетенному крепостному крестьянству.

Начиная с посвящения книги А. М. Кутузову, Радищева интересуют не собственные переживания, а возможность воздействовать на читателей своей революционной проповедью, показать исторические судьбы русского народа, решить «гадательное в истории Российской», опровергнуть все иные способы освобождения народа, кроме единственного, — революционного. Целью книги Радищева является не индивидуалистическое «самораскрытие» автора на материале революционной проповеди, а сама революционная проповедь.

⁵⁶ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., под ред. С. А. Венгерова, т. XI, Пгр., 1917, стр. 208.

⁵⁷ Там же, стр. 219.